Когда я увидел его в первый раз, я был так счастлив, что его поглотил ядовитый дым.

Некоторые боевики не могли не открыть рот, чтобы посоветовать: "Господин Лу осторожен, сила этого человека не незначительна, боюсь, яд трудно поддается действию".

Лу Чэн уверенно говорил: "Будьте уверены, этот мой яд не обычный яд, а легендарный Сломанный Дым!".

Услышав это, окружающая толпа внезапно была потрясена и сделала несколько шагов назад, как гласит поговорка: "Приглашая душу двигаться, Дым Сломанного кишечника, преследуя душу, и переменчивый спрос на жизнь", этот Дым Сломанного кишечника является тяжелым ядом, записанным в древних книгах Нуахиа, даже если бы он получил хотя бы половину немного, это было бы безжизненно, так же, как быть соблазненным королем ада, нет никакого средства правовой защиты.

"И, согласно исследованиям Лу, этот Дым Сломанного кишечника будет непосредственно вторгаться в человеческое тело через кожу, так что даже если навык закрытого ци этого парня будет блестящим, он будет бесполезен вовсе, быть окутанным этим Дым Сломанного кишечника будет его смертью!"

Лу Чэн был настолько уверен, что сделал уверенное заявление об убийстве, и толпа вдруг трижды убедилась, когда увидела, что фиолетово-черный ядовитый дым собирается и конденсируется без рассеивания, а после извержения бамбуковой трубки, он не только не распространился по округе, но и прочно обволакивал Уэсуги Чжоу, точно так же, как и слухи о характеристиках разбитого дыма.

Но в следующую секунду яростный меч яростно вспыхнул!

С помощью этого разреза меча изначально невидимый сломанный дым на самом деле был разделен на две части, как какое-то существо, и два разделенных сегмента не продолжали существовать, как дым, а постепенно рассеивались в воздухе.

В то же время были и шеи примерно дюжины мужчин с разбитыми бамбуковыми цилиндрами, а перед лицом тщательно спланированной Лу Чэном игры в убийство Уэсуги Чжоу также использовал только один меч, чтобы полностью развеять все иллюзии толпы!

Толпа в зале замолчала, и такой страшный меч полностью развеял их мысли о сопротивлении.

Уэсуги Чжоу не спешил убивать, он просто хотел, чтобы смерть пришла медленно, чтобы сделать эту группу боевых художников поддаться, потому что он был только один, в конце концов, идти вперед, чтобы захватить меч счет не был уверен, что вещь. Если бы он мог, он был готов подчинить здесь некоторых людей, чтобы они стали пушечным мясом.

И легче всего их покорить было не кто иной, как Лу Чэн перед ним.

В следующую секунду взгляд Уэсуги Акуя уже смотрел на этого, казалось бы, хамского человека и холодно сказал: "Лу Чэн, как мастер боевых искусств, ты скучный, но я знаю, что как "человек", ты очень разумный".

В этот момент он взглянул на бамбуковую трубку на трупе и сказал безразлично: "Этот разбитый дым считается хорошей вещью, его можно достать, это считается навыком, меня не волнует, что ты только что сказал или сделал, пока ты...".

Лу Чэн действительно был очень здравомыслящим человеком, и прежде чем Уэсуги Акуя смог закончить свои слова, он тут же упал на колени и громко сказал: "Мои подчиненные отдают дань уважения Господу Богу Мечом и желают ему тысячу лет и единства!

"Бесстыжий!"

"Лушин, ублюдок!"

"Я убью тебя!"

"....."

Видя это, многие боевые художники были полны праведного негодования и проклятия, и даже несколько сварливых боевых художников, которые яростно рисовали свое оружие и набрасывались на Лу Чэна.

Но они, кажется, забыли, что даже если Уэсуги Чжоу, который был на стороне, не сделал ни шагу, Лу Чэн был мастером боевых искусств!

"Свиш!"

В доли секунды головы этих людей также упали на землю, и Уэсуги Чуя холодно сказал: "Среди этой гостиницы, кого убивать, а кого не убивать, кто может умереть и кто может жить, не вам решать".

Хотя в глубине души Уэсуги Акуя очень пренебрежительно относился к Лу Чэну, но в конце концов, он был первым человеком, который сдался ему, он определенно должен был защитить его, в противном случае, если вы не могли даже защитить своих людей, зачем людям присоединяться к вам?

После того, как Уэсуги Чжоу в очередной раз потряс толпу своим чистым и хрустящим мастерством фехтования, он также обернулся и посмотрел на Ло Пэна: "Господин Ло,

интересно... как хорошо вы об этом подумали"?

В ответ он был встречен заостренным лезвием, которое прорезало воздух!

В этот момент the□□ прорвался сквозь воздух, холодная грива щелкнула, клинок был отчаянной попыткой пожертвовать своей жизнью, Луо Пенг!

"Динь!"

Был только треск, и Уэсуги Чжоу также вытащил свой меч вправо, два лезвия сталкивались и пересекались в серии искр, в то время как человек, который стоял неподвижно, даже перед лицом разбитого дыма, в конце концов, сделал шаг назад.

Но Луо Пенг был гораздо больше, чем другой человек, он сделал более десятка шагов назад в ряд, его нога соскользнула, опрокинув стол и сидя на земле, кровь даже пролилась из угла его рта.

"Мистер Луо так красив со своим кунг-фу." Поведение Уэсуги Акуя до сих пор было спокойным, слегка похвалив его, что показало, что он все еще более чем способен плавать: "Этот клинок достиг вершины мастера боевых искусств, он принципиально отличается от тех претенциозных и тщеславных мастеров боевых искусств".

"Хм, спасибо за комплимент".

Луо Пенг холодно ответил в ответ, в это время на его лице уже не было обычной левой и правой улыбки, он случайно снял пиджак и выбросил его в сторону, держа меч обеими руками, явно решив бороться до смерти.

Уэсуги Чжоу также увидел эту сцену, в его глазах вспыхнул ледяной взгляд, и он сказал: "Кажется, ты собираешься сопротивляться мне, ты настолько предан Хуаксии? Отказаться от щедрых условий, которые я предлагал тебе, даже если это будет стоить тебе жизни, бороться против меня?"

Луо Пенг выглядел решительным и холодно фыркнувшим: "Островитянин, ты не знаешь костяка наших мастеров боевых искусств Хуаксия, нас не волнуют наши официальные должности и зарплаты, и мы, возможно, не хотим нашей жизни, но если мы потеряем славу наших мастеров боевых искусств Хуаксия, как мы все еще можем иметь лицо, чтобы встретиться с предками, которые верно служили нашей стране"!

Луо Пенг, не может считаться хорошим человеком. На самом деле, никого в этом мире нельзя судить по хорошему или плохому.

Он делал добрые дела, однажды он наполнил свои карманы, он также мечтал посвятить свою

жизнь боевым искусствам и стать святым, но в конце концов, он все еще был бесполезен, погружаясь в красную пыль преследовать славу и богатство.

Человеческие существа сложны, с разными позициями и целями, и, следовательно, разным образом жизни, но у каждого... есть итог.

Сегодня Уэсуги Акуя, с другой стороны, коснулся нижней линии Луо Пэна.

Даже если бы между воинами Хуаксии существовала большая ненависть, все это считалось лишь внутренней борьбой, но если бы островитянин получил Спектр Звездного Меча, или даже объединил бы мир, то боевой мир, или даже вся Хуаксия, был бы опозорен этим!

Как тогда сказал тот большой черный парень в Шанхае: "Я осмеливаюсь продавать что угодно, но я не осмеливаюсь продавать свою страну".

Вдохновившись Луо Пэн, другие боевые художники также вспыхнули ревом, было несколько других, которые также были готовы сдать с Лу Чэном во главе, но теперь они отказались от идеи выживания и были готовы сражаться до смерти!

<http://tl.rulate.ru/book/41989/1022862>